

у меня худо: ноги стали болеть – это, говорят умные доктора, на пять лет. А там – отпиливать по одной. А ты бросай вовсе другую заразу – тоже жить можно, даже лучше – это у я из собственного опыта говорю». И чуть дальше: «Вот штука-то: две больницы в одной стране... Эх, сколько мы не знаем, Васюха! И это еще – не край, есть и другое, и много. Переезжай в Москву! Решись».

И в следующем письме: «Не падай духом, не падай духом, Вася, это много, это все. Много не сделаем, но СВОЕ – сделаем, тут тоже природа (или кто-то) должны помочь. И – немного – мы сами себе, и друг другу».

Переехать в Москву Белов так и не решился, но если это не дружба, то что тогда этим словом называется?

Ю.В. Розанов
ВоГУ, г. Вологда

**ПОВЕСТЬ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»
В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ
1966 – НАЧАЛА 1967 ГОДА***

Соратник В.И. Белова по «деревенскому направлению» в советской литературе Ф.А. Абрамов, выражая некую общую точку зрения, писал: «“Привычное дело” приняли все: и “либералы”, и “консерваторы”, и “лирики”, и “физики”, и даже те, кто терпеть не мог деревню ни в литературе, ни в жизни» [1, с. 92]. Изучение литературно-критических материалов, появившихся в первый год после публикации повести, мемуаров и писем непосредственных участников литературной жизни 1960-х годов свидетельствует о том, что такой однозначный и благостный взгляд нуждается в корректировке.

Известно, что в 1965 году Белов предполагал печатать свою новую повесть в Москве – в журнале «Новый мир» А.Т. Твардовского и в издательстве «Советский писатель». Такой «завышенный» план свидетельствует не столько об амбициях начинающего писателя из провинции, сколько о понимании того, какая сильная и своевременная вещь ему удалась. Расчет Белова был понятен и обоснован. «Новый мир» в те годы имел репутацию смелого издания. После такой авторитетной журнальной публикации «Советский писатель» мог издавать все что угодно. Однако этот план не осуществился. Твардовский, по словам Ф.Ф. Кузнецова, «побоялся печатать»

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»).

«Привычное дело» [12, с. 3]. Не получилось и с изданием повести в составе авторского сборника в издательстве «Советский писатель». Во внутренних рецензиях Ю.Г. Лаптева и В.А. Чалмаева повесть была признана «непроходимой». «Если мы напечатаем такое произведение, – заявлял один из рецензентов, – то завтра же нас всех разгонят, обвинят в клевете на колхозное крестьянство» [15, с. 151].

В этой ситуации писатель отступил, можно сказать, на заранее подготовленные позиции. Он еще в феврале того же года опубликовал в региональном журнале «Север», выходившем в Петрозаводске, рассказ «За тремя волоками» и обещал редакции более крупное произведение. 1 ноября 1965 года заместитель главного редактора «Севера» Р.Б. Корнев писал руководителю Вологодского отделения Союза писателей А.А. Романову: «Меня беспокоит молчание В.И. Белова, а ведь он обещал редакции до конца октября м-ца свою повесть “Привычное дело”. Я для нее резервирую место в № 1 за 1966 г., т.е. хотим открыть год. Прошу Вас найти его хоть телеграммой, и пусть срочно ответит – когда и что...» [5, с. 139]. «Молчание» писателя отчасти объясняет его письмо В.Д. Елесину: «Я в деревне живу, в Вологде бываю редко. Закончил вот Ивана Африкановича, буду в “Север” (это в Петрозаводске) посылать. Только мало надежды, что напечатают, а если и напечатают, то похерят самые дорогие для меня абзацы» [8, с. 89].

Главный редактор журнала Д.Я. Гусаров, прочитав рукопись, оценил и ее общественное значение, и художественные достоинства. По своей идеологической ориентации Гусаров принадлежал к «умеренным славянофилам». Будучи опытным писателем и руководителем, он верно определил риски, связанные с публикацией, и попытался их минимизировать. По договоренности с писателем Гусаров внес в текст «Привычного дела» существенные изменения, что можно рассматривать как случай редакторской «самоцензуры», столь распространенной в советской литературе. В самом конце советской эпохи Гусаров вспоминал об этом, оправдывая свои действия великой целью: «Чтобы спасти повесть, редакции журнала “Север” пришлось пойти на изъятие важной аллегорической главы, передвинуть время действия в 50-е годы, снабдить удивительно цельную и завершенную вещь примечанием – “конец первой части”. Обидно и больно вспоминать это, но так было <...> Значение “Привычного дела” в подготовке перестроечных процессов столь же велико для нашего времени, как и роль тургеневских “Записок охотника” для антикрепостнического сознания России накануне реформ 1861 года» [6, с. 7]. Критики часто сопоставляли «Привычное дело» с «Записками охотника», но обычно лишь в плане развития традиций классической литературы младшим писателем. Гусаров же

впервые обозначил другой, более глубокий смысл этого сопоставления – «антикрепостнический», т.е. антиколхозный.

В конце 1965 года «Север» анонсировал новое произведение Белова как «повесть-очерк из истории жизни одной семьи вологодской деревни». Странное жанровое определение тоже, как представляется, призвано было успокоить литературное начальство и цензуру. В истории советской «деревенской литературы» очерковый жанр к тому времени вполне утвердился и особой настороженности не вызывал. Широко публиковались очерки о современной деревне с допустимой долей критики нынешнего положения дел Е.Я. Дороша, К.И. Буковского, Б.А. Можаяева, И.Ф. Винниченко и многих других авторов. В январском номере журнала за 1966 год повесть «Привычное дело» увидела свет и быстро стала бестселлером. На всю страну прославился и провинциальный журнал, сумевший напечатать такую вещь. В.П. Астафьев однажды заметил, что журнал «Север» для него начался с «Привычного дела»¹.

Первые отклики из властных сфер были неутешительны. Председатель Госкомитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Н.А. Михайлов в своем выступлении на семинаре в ЦК КПСС, организованном для секретарей по идеологии и пропаганде, подверг произведение разгромной критике, инкриминируя автору идейную порочность и антипартийные взгляды на развитие сельского хозяйства. Вскоре в этом же духе выступили министр культуры Карельской ССР Л.Н. Колмовский и некоторые из руководителей республики. Впрочем, первый секретарь Карельского обкома КПСС И.И. Сенькин своей властью остановил наметившуюся на местном уровне кампанию по дискредитации повести и журнала [5, с. 139–141].

Не было продолжения и в Москве. Аппаратный вес председателя Госкомиздата Михайлова был невелик – во всяком случае, явно недостаточен для масштабных мероприятий. Похоже, что власти в данный момент не хотели устраивать еще одно литературное побоище и лишний раз ссориться с интеллигенцией, ведь совсем недавно, в феврале 1966 года, прошел печально знаменитый судебный процесс над писателями А.Д. Синявским и Ю.М. Даниелем, закончившийся суровым приговором. Некоторые признаки все же указывают, что определенная подготовка к «проработочной» кампании велась. В разные инстанции приходили гневные письма от читателей «Привычного дела». Большая часть этих писем, вероятно, была вполне искренней – их писали люди, зомбированные советской пропаган-

---

¹ Подробнее об истории публикации «Привычного дела» см. в статье О.Ю. Неволиной [14, с. 91–95].

дой. Но были и письма, инспирированные чиновниками. (Сам Белов именно так и считал.) Напомним, что письма трудящихся, соответствующим образом отобранные, являлись непременным атрибутом всех послевоенных мероприятий по травле писателей. После смерти главреда «Севера» Гусарова в его бумагах был найден весьма примечательный документ – письмо некоего А. Лазурина из Сокольского района Вологодской области. (Автор письма – практически земляк писателя и его героя.) Лазурин писал: «Повесть показалась какой-то черной птицей при ясном свете дня. Она зловеще силится вызвать тени прошлого и, мешая события с настоящим временем 60-х годов, хочет кого-то то ли напугать, то ли озлобить или хоть насколько удастся испортить людям настроение. В этом весь автор с его протестующей бородкой, внешне богобоязненным лицом, но злыми на весь белый свет глубоко посаженными глазками-буравчиками, отхвативший 60% площади журнала, а остальным 20-ти авторам остатки. Спрашивается, для кого же написана эта длинная, пьяная тирада от начала до конца. Для наших врагов за границей это настоящая находка <...> Пагубная сила повести заключается в том, что в ней много правды, но какой правды – самой низкой, не дающей ничего ни уму, ни сердцу. Правдой со вкусом приправленной завуалированной ложью...» (пунктуация подлинника сохранена. – Ю.Р.) [19, с. 183–184].

В ряде статей по творчеству Белова утверждается, что в первое время после публикации «Привычного дела» критика впала в оцепенение, не зная, как политически правильно реагировать на такое неординарное событие, и лишь после положительно отклика «Правды» стала на все лады расхваливать повесть. Это далеко не так. Статья Ф.Ф. Кузнецова в главной газете Советского Союза появилась лишь в марте 1967 года, спустя год с небольшим после выхода «Привычного дела». Такое продолжительное время критика, конечно, не могла замалчивать произведение, вызвавшее огромный читательский интерес.

Первый отклик появился в мае 1966 года, еще до того, как информация о разгромном выступлении председателя Госкомиздата Михайлова дошла до идеологических работников на местах. Журналист из Архангельска Ш. Галимов в газете «Правда Севера» назвал повесть «одним из самых заметных явлений современной советской литературы», особо отметив ее правдивость на всех уровнях текста. Белов «не лакирует жизнь, не скрывает ее горьких сторон. Он зарисовывает обыденное, но эти зарисовки удивительно правдошны...». Критик особо отметил умение писателя показать поэзию деревенской жизни и почти мистическую «власть земли», которая всегда была «глубинным свойством русского крестьянина» [4, с. 2–3]. Интересна реакция на повесть земляка в Вологде. Главная областная газета

«Красный Север» хранила молчание, а молодежная – «Вологодский комсомолец» – решила только на информационную заметку В.В. Коротаева об обсуждении «Привычного дела» в малом зале областной библиотеки, состоявшемся 15 июня. К этому времени мнение Михайлова было доведено до мест, поэтому основной докладчик, учительница Е.Ф. Воробьева, говорила о «пессимистическом настрое» повести Белова. Учительнице оппонировала библиотекарь Е.А. Кондрагьева, полагавшая, что «главное достоинство книги – это верность правде, как бы сурова она ни была» [11, с. 3].

Первым откликом на «Привычное дело» в столичной печати стала небольшая рецензия В.В. Петелина, опубликованная в июле в софроновском «Огоньке». Не исключено, что Петелин чувствовал некую вину перед автором повести, – ведь именно он, будучи руководителем издательства «Советский писатель», несколько месяцев тому назад отказался печатать беловское произведение, опасаясь крупного скандала. Критик прозрачно намекнул, что в повести показана деревня времен Н.С. Хрущева, снятого осенью 1964 года: «В. Белов описывает жизнь деревни в тот момент, когда низкая оплата трудодня, всевозможные запреты, сковывавшие самостоятельность и личную инициативу крестьянина, нарушения Устава сельхозартели и прежде всего принципа материальной заинтересованности мешали людям жить на родной земле» [16, с. 27]. Все эти слова и обороты механически перенесены в статью из партийных документов 1965 года, осуждавших сельскохозяйственную политику свергнутого лидера. Надо признать, что рецензент выбрал довольно эффектный и эффективный способ защиты писателя, стоявшего на грани опалы. В позднейших мемуарах Петелин подробно описал эту историю и справедливо занес ее в свой список добрых дел: «Белов прислал мне экземпляр журнала, я срочно написал рецензию, отдал ее в “Огонек”, и Ник. Сергванцев тут же поставил ее в номер, а Софронов подписал. А поддержка “Огонька” в то время много значила в судьбе писателя» [15, с. 160]. К этому следует добавить, что журнал А.В. Софронова был вполне «патриотическим» изданием, духовным центром «русской партии», что имело значение для ряда руководителей советского правительства.

Заметка в «Огоньке», видимо, оказала свое действие, и число рецензий и просто упоминаний «Привычного дела» в положительном ключе во второй половине лета и осенью существенно выросло. Подключились и так называемые «толстые журналы». Статья Л. Емельянова и И. Кудровой в «Звезде» (номер подписан в печать 29 июля) представляет собой каталог достоинств Ивана Африкановича. Он, по мнению критиков, обладает и «огромной жизненной устойчивостью», и «силой сопротивления», и развитым «артельным началом», и «удивительно цельным мировоззрением».

Герой воплощает «народность в самом глубоком и полном смысле этого слова». В конце авторы простодушно замечают, что у героя, как и у повести вообще, недостатки, конечно, есть, но достоинства столь велики, что о недостатках писать «не хочется» [9, с. 211–212].

Один из открывателей деревенской темы в послевоенной советской литературе, Ефим Дорош, в журнале «Новый мир» также сосредоточился на образе Ивана Африкановича, причем аналитика автора знаменитого в свое время «Деревенского дневника» акцентировала политическую актуальность образа Ивана Африкановича. К списку достоинств беловского героя Дорош прибавляет его народную речь: «Язык Ивана Африкановича, при всем том, что он по-крестьянски свеж и гибок, изобилует словами, взятыми из современного колхозного обихода, тогда как эпическому характеру, если верить иным повестям, свойственна величавая сказочность». Здесь критик впервые затрагивает тему «эпичности», «фольклорности», «праведности» образа Ивана Африкановича, предвосхищая будущие дискуссии. Если В. Петелин в «Огоньке» лишь намекает на политические документы 1964–1965 годов, способствующие «правильному» пониманию произведения, до Дорош говорит об этом более определенно. Драма Ивана Африкановича в том, что «он не хозяин у себя в колхозе, как это должно быть по самой природе коллективного хозяйства. Подумав об этом, я подумал и о том, что при нынешних благоприятных для сельского хозяйства условиях, созданных последними партийными решениями, руководителям колхозов остается отнестись к Ивану Африкановичу с тем же интересом и уважением, с каким отнесся к нему писатель» [7, с. 258].

Вообще тема политической актуальности становится чуть ли не обязательной для статей о Белове и его повести, написанных в первый год после ее публикации. Л. Калашникова в «Труде», главной газете советских профсоюзов, называет даже конкретный документ: «Действие повести протекает в те годы, когда еще не наступил перелом в нашем сельском хозяйстве, ознаменованный мартовским Пленумом 1965 года, когда недостаточно учитывались личные интересы крестьян и хозяйственная инициатива колхозов» [10, с. 3]. Похоже, что небольшая тактическая корректировка времени действия повести, произведенная писателем по рекомендации Д. Гусарова, с успехом исполнила свое назначение.

Постепенно в статьях и рецензиях на «Привычное дело» увеличивается внимание к эстетической стороне произведения. Если в ранних откликах на повесть вопросы поэтики не занимали большого места, то с конца 1966 года все меняется. Первой такой работой стала статья И. Борисовой в «Литературной газете», содержащая ряд точных и ценных наблюдений и заключений, выполненных, правда, в импрессионистической манере. Приве-

дем несколько примеров. «Его проза <...> эпична, если под эпичностью понимать не объем написанного, а изначальное состояние души пишущего, который готов вобрать в себя всю ширь жизни прежде, чем его поглотят страсти <...> У Белова есть дар, который свойствен лишь немногим истинным художникам. Он умеет в слове воспроизводить как бы самую материю жизни. Раньше, чем кроить, он умеет ткать <...> Образы Белова, очерченные отчетливо, определенно, в то же время очень не замкнуты. Они как будто насквозь пронизаны ветром, который их окружает и соединяет <...> Переход к авторской речи <от речи персонажей> плавен, хотя она современно-литературна, и автор не косноязычит в угоду колориту».

Особым вниманием к поэтике не исчерпываются достоинства работы И. Борисовой. Интересно и убедительно рассуждает она и об экзистенциальном плане «Привычного дела», привлекая для этого концепт «испытаний» главного героя. «Казалось бы, человек <Иван Африканович> выдержал высшее испытание – испытание смертью. Но это не единственное испытание <...> А если он столкнется с миром другого рода, допустим, с городским? Если он уйдет не на три дня? Что будет с ним самим, с его жизнью, которая кончена, с его устоями, которым нужно бессмертие? И какое из этих испытаний высшее – смертью ли, жизнью ли? <...> Собственно, об этом написана повесть...» [2, с. 3]. Из всех ранних рецензий на повесть Белова статья Борисовой представляется нам наиболее значительной и не утратившей своего значения и сегодня. Удача критика, как представляется, обусловлена тем, что «Привычное дело» было впервые рассмотрено вне политического и идеологического контекста, по самой своей глубинной сути. Если когда-нибудь появится книга «Личность и творчество Василия Белова в оценках русских мыслителей и исследователей» в серии *Pro et contra*, то статья И. Борисовой непременно должна войти в ее состав.

Другой «толстый» журнал, «Дружба народов», выступил с менее заметной рецензией. В статье Л. Теракопьяна, в основе своей хвалебной, также затронуты аспекты поэтики повести. Критик как бы проверяет эту сторону произведения на верность эстетическим принципам социалистического реализма и не во всем находит соответствие им, о чем искренне жалеет. «Жаль только, что писатель отступает порой от безыскусственности и неприкрашенности повествования. Явно символическая сцена блужданий Ивана Африкановича по ночному лесу после смерти Катерины несет в себе заметный отпечаток книжности» [18, с. 269]. Конечно, такой символизм чужд сталинско-горьковскому методу. Позднее многие критики и исследователи литературы назовут именно эту сцену одной из наиболее удачных.

Наибольшую активность в популяризации повести проявил ленинградский журнал «Звезда». Вслед за панегирической рецензией Л. Емельянова и И. Кудровой в журнале был напечатан критический обзор литературных новинок 1966 года Б. Бурсова. Автор большое внимание уделил «Привычному делу», прежде всего – вопросу преемственности, учебе у классиков русской литературы, а также характеру главного героя повести. Бурсов совершенно верно описывает ситуацию в критике, связанную с «проблемой Ивана Африкановича»: «Василий Белов <...> несколько озадачил нашу критику. Он создал положительного героя в таком виде, в каком меньше всего ожидали его увидеть». Свой ответ на обозначенную проблему критик дает по банальной формуле – «традиция плюс новаторство». В традиции «Иван Африканович – как бы своеобразный синтез Хоря и Калиныча». А новаторство, разумеется, советское: «Белов увидел в традиционном облике русского крестьянина не просто советского колхозника, но вообще замечательного нашего современника <...> В нем видна Россия. В нем виден Советский Союз». Порою кажется, что Бурсов несколько перегибает палку в деле защиты повести. Так, например, он утверждает, что автор «Привычного дела» «почти ничего не говорит о недостатках нынешнего положения в колхозной деревне <...> обходит их» [3, с. 106–109]. В такой «защите», как хорошо видно из контекста критических высказываний второй половины 1966 – начала 1967 года, повесть Белова уже не нуждалась.

Это подтверждается и статьей П. Троицкого в «Известиях», второй по политическому весу газете в СССР после «Правды». Критик утверждал, что «Привычному делу» Василия Белова, наряду с такими произведениями, как «Бабий Яр» А. Кузнецова и «Созвездие Козлотура» Ф. Искандера, свойственна «высокая коммунистическая идейность», что по тем временам означало высшую похвалу из всех возможных [20, с. 5].

Лишь после такого оглушительного успеха в московских и ленинградских периодических изданиях доброе слово о повести земляка решилась сказать главная газета Вологодской области «Красный Север», причем сделала это весьма осторожно, с оговорками. В статье ответственного секретаря Вологодской писательской организации поэта А.А. Романова, которая по своей сути была газетным вариантом отчета о работе писателей за 1966 год, отмечалось, что «стремительно идет в большую литературу Василий Белов» и его последние произведения вызывают большой общественный резонанс. О причинах этого «резонанса» Романов судить не берется, а высказывает лишь свою точку зрения, впрочем, вполне поэтически: «В глубине будничных фактов и явлений совсем рядовой семьи вдруг загорелась, замерцала удивительная высота сердец, как в чистом, пятиязычном, а, может, и более глубоком деревенском колодце светятся порой

звезды». Заканчивает Романов перечислением «моментов, которые не удовлетворяют сейчас уже и самого автора, и некоторых читателей». К таковым относятся: «заметная фрагментарность», «разностильность глав», «вялость действия» [17, с. 3]. Сегодня этот отзыв поражает своей осторожностью, недосказанностью, да и перечень недостатков, которые якобы уже видит и сам Белов, «впечатляет». Над провинциалами все еще довлеет страх допустить идеологический просчет в оценке «Привычного дела», в столичных изданиях уже полностью преодоленный.

Самой знаменитой и общественно значимой рецензией на повесть Белова стала статья Ф.Ф. Кузнецова «Трудная любовь. Раздумья о деревенской литературе». И дело здесь не в имени автора. Кузнецов в то время еще не был авторитетной фигурой в советской литературной иерархии. (В вышедшем в 1966 году третьем томе «Краткой литературной энциклопедии» справки о нем нет.) «Трудная любовь» была напечатана в «Правде» – органе ЦК КПСС, и это определяло многое. Позиция главной коммунистической газеты была декларативной и официальной, ей не должны были противоречить ни в центре, ни на местах.

Сам Феликс Феодосьевич сорок лет спустя, уже в другой, постсоветской «Правде» (органе КПРФ), так вспоминал об обстоятельствах появления своей статьи: «Поддержать публично, да еще на страницах “Правды” эту повесть было непросто <...> Моя статья о повести “Привычное дело” пролежала без движения в редакции газеты “Известия” более полугода. Впрочем, “без движения” – не вполне точно. Редакция направила рецензию “для консультации” в Отдел культуры ЦК КПСС, и там “не посоветовали” публиковать рецензию. Тогда я передал статью в “Правду”. Главный редактор М.В. Зиямянин сказал, что не будет публиковать рецензию, пока сам не прочитает повесть <...> Уезжая в командировку в Финляндию, Зиямянин взял журнал с собой... “Какой язык!” – отозвался он о повести Белова после возвращения из командировки. И сразу же поставил статью в номер» [12, с. 3].

Кузнецов практически прямо указывает на еще одного высокопоставленного недоброжелателя Василия Белова – В.Ф. Шауро, который с 1965 по 1986 год возглавлял Отдел культуры ЦК КПСС. Творческая интеллигенция этого двадцатилетия считала Шауро верным проводником консервативной, а порою и репрессивной политики секретаря ЦК по идеологии М.А. Суслова в сфере культуры, инициатором запретов многих творческих начинаний. О «мертвящей хватке Шауро – Суслов» упоминает и Белов в воспоминаниях о Шукшине. Впрочем, Шауро с одинаковым рвением «душил» и «деревенщиков», и «городских» писателей, лицемерно заявляя, что «качели не могут качаться в одну сторону». Судя по многочисленным ме-

муарным свидетельствам, приверженцы «русской партии» считали его скрытым либералом и русофобом, а либералы подозревали в тайных симпатиях к «деревенщикам». В советской табели о рангах Шауро стоял существенно ниже Зимянина. В 1967 году первый был только кандидатом в члены ЦК КПСС, а второй полноправным членом ЦК и руководителем «Правды», так что номенклатурных причин для отказа печатать хвалебную статью о «Привычном деле» не существовало, тем более, что и сам текст Ф. Кузнецова обладал рядом несомненных достоинств.

В начале статьи автор, как обычно, указывает на славные традиции изображения деревни в классической русской литературе, упоминает пресловутую «власть земли», сетует на то «небрежение» к деревне, которое было в хрущевские времена (имя Хрущева, впрочем, не называется, оно под запретом), говорит о современном внимании к сельским труженикам, которое затронуло и литературу. Прозу о деревне Кузнецов делит на два направления. Очерковая проза занимается «пристальным исследованием колхозной жизни на стыке литературы и экономики», а собственно художественная занимается «духовными, нравственными началами жизни деревни». Причем первый процесс несколько опережает второй. Такая диспозиция уже сама по себе как бы снимала многие идеологические претензии к «Привычному делу». Получалось, что Белов лишь специфическими художественными средствами выразил то, о чем ранее прямым текстом писали советские очеркисты, работавшие на «стыке литературы и экономики». Попутно подчеркивался примат экономики над искусством, столь понятный коммунистам. Только разобравшись таким образом с политической стороной дела, Кузнецов дал свою собственную оценку повести: «Я давно не читал такой прозрачной и точной по языку, такой народной по духу, такой неторопливо могучей прозы». Такова была кульминация статьи.

Но как быть с «планом выражения», с эстетикой беловского письма? Соответствует ли эта эстетика советским канонам? После всего сказанного критиком формальная сторона не так и важна. Но у Кузнецова и на это есть свой оригинальный ответ: «Это суровая проза. Она – подтверждение тому, что социалистический реализм предполагает и самую трезвую, суровую правду, если она сопряжена внутренне с душевной заботой писателя о благе народа, о его завтрашнем дне» [13, с. 3]. В этой «эстетической» части рецензии обращает внимание настойчивое повторение слова «суровый», что является, по нашему мнению, несомненной отсылкой к живописи «сурового стиля» (термин искусствоведа А.А. Каменского). Этот стиль получил широкое распространение в советском изобразительном искусстве как раз в 1960-е годы. Художники, ориентируясь на образцы советского искус-

ства досталинского периода, обобщенно и лаконично изображали «героичку трудовых будней». В середине 60-х, и это было важно для позиции Кузнецова, «суровый стиль» получил полное официальное признание и стал рассматриваться как этап в диалектическом развитии социалистического реализма. В этом смысле он противопоставлялся различным западным влияниям на советское искусство.

Известно, что советская идеологическая система оперировала разного рода сигналами, прямыми и косвенными. В данном случае прямым и однозначным сигналом идеологическим работникам всех уровней был сам факт публикации положительного отзыва на «Привычное дело» в «Правде». Скрытый смысл кузнецовского послания можно изложить так: в повести нет ничего опасного. В плане содержания она лишь повторяет то, о чем уже писали партийные публицисты. В плане эстетики она только переносит в литературу принципы живописного «сурового стиля», также давно одобренного партией. Поэтому нет никакого резона отвергать это выдающееся произведение. Таким образом, несмотря на негативное отношение к повести В.И. Белова двух крупных партийных функционеров – Михайлова и Шауро, «Привычное дело» в первый год после публикации получило заслуженно высокую оценку в литературной критике. Были высказаны во многом справедливые суждения о повести, которые в ходе дальнейших дискуссий о судьбах «деревенской прозы» лишь углублялись, расширялись, получали новую аргументацию.

Литература

1. Борисова, И. Привычное дело – жизнь... / И. Борисова // Литературная газета. – 1966. – 3 декабря.
2. Бурсов, Б. Пути к художественной правде / Б. Бурсов // Звезда. – 1967. – № 1.
3. Абрамов, Ф. Деревеньку зовут Тимониха / Ф. Абрамов // Север. – 1982. – № 10.
4. Галимов, Ш. Проза определила успех. Первый номер журнала «Север» / Ш. Галимов // Правда Севера. – 1966. – 14 мая. – № 108 (13563).
5. Гнетнев, К. Дмитрий Гусаров. Раненый ангел. Главы из новой книги / К. Гнетнев // Север. – 2012. – № 7–8.
6. Гусаров, Д. Раздумья в дни юбилея / Д. Гусаров // Север. – 1990. – № 6.
7. Дорош, Е. Иван Африканович / Е. Дорош // Новый мир. – 1966. – № 8.
8. Елесин, В. Русские судьбы (Раздумья над автографами) // Наш современник. – 2001. – № 10.
9. Емельянов, Л. Труды и дни Ивана Африкановича / Л. Емельянов, И. Кудрова // Звезда. – 1966. – № 8.
10. Калашникова, Л. Доброта и суровость / Л. Калашников // Труд. – 1966. – 11 октября.

11. Коротаев, В. Обсуждается повесть земляка / В. Коротаев // Вологодский комсомолец. – 1966. – 19 июня.
12. Кузнецов, Ф. Боль и совесть нашей деревни / Ф. Кузнецов // Правда. – 2007. – 23–24 октября.
13. Кузнецов, Ф. Трудная любовь. Раздумья о деревенской литературе / Ф. Кузнецов // Правда. – 1967. – 3 марта.
14. Неволлина, О.Ю. «Привычное дело» В.И. Белова: из истории публикации и критики / О.Ю. Неволлина // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов. – Вологда: Легия, 2011. – Ч. 8.
15. Петелин, В. Мой XX век. Счастье быть самим собою / В. Петелин. – М.: Центрполиграф, 2010.
16. Петелин, В. О светлом и горьком / В. Петелин // Огонек. – 1966. – № 29.
17. Романов, А. Наши творческие поиски / А. Романов // Красный Север. – 1967. – 26 января.
18. Теракопян, Л. Простые заботы / Л. Теракопян // Дружба народов. – 1966. – № 12.
19. Тимошкина, О.С. «Василию Белову передайте...» / О.С. Тимошкина // Север. – 2000. – № 5–6.
20. Троицкий, П. Многообразие поиска / П. Троицкий // Известия. – 1967. – 22 января.

С.Х. Головкина
ВоГУ, г. Вологда

МИР КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»*

Повесть «Привычное дело» стала одним из первых произведений В.И. Белова, отражающих жизнь крестьянской семьи 60-х годов XX века. Это попытка «художественного постижения социальных, нравственно-философских аспектов истории и современного состояния семьи, родственных отношений, супружеской любви и семейного воспитания» [3, с. 6]. При этом автор не ограничивается описанием идеальных отношений, он осмысляет причины разрушения семейных ценностей на фоне изменений, происходящих в городе и деревне.

Гармония супружеских отношений и материнское начало – вот основа формирования полноценной семьи. Связь мужа и жены мыслится писателем как духовное единение любящих друг друга людей, которые, как в народе говорится, «живут рука в руку, душа в душу» [2, с. 69]. Одной физической близости недостаточно. Для настоящей («горячей») любви необхо-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ГРНФ, проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности».